

Вопросы территории

К ВОПРОСУ О НОВЫХ ПРИНЦИПАХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ПОДХОДА В ПРОВЕДЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАЗВКАЗЕ

В.В. Похлебкин*

Разрабатывая любую внешнюю политику по отношению к другой стороне, прежде всего ясно намечают ее цели, а затем устанавливают основные параметры, ориентиры и возможные тактические действия.

При этом основная цель, основная задача политики определяется в диапазоне между реально и идеально достижимым, между максимально и минимально необходимым с точки зрения общих государственных интересов. И лишь после этого намечаются конкретные пути осуществления этих задач, то есть разрабатывается та тактика, которая и должна привести к наилучшему результату. Если же тактическая линия лабильна, то есть вырабатывается в ходе проведения конкретной политики, то это хорошо только в том случае, если до этого была определена главная задача и четко намечен тот основной путь, который должен вести к наиболее благоприятнейшему, максимально выгодному для государственных интересов результату. Без этого, при стихийно осуществляющей свои тактические повороты внешней политике, при ее полной зависимости от конъюнктурно складывающихся ситуаций, она неизбежно обречена на неудачу, причем всегда более тяжелую, чем даже определенная заранее минимально достижимая цель.

Иными словами, только при полной, всесторонней проработке всех обстоятельств проведения политики, только при хорошем знании своего контрагента (противной стороны) и всех его достоинств, недостатков и возможностей, а также, естественно, учитывая собственные плюсы и минусы, можно достигнуть осуществления поставленных государственных задач.

* Лауреат премии «Московского журнала международного права» за 1996 г.

Казалось бы, все это — сухие, известные, теоретически-учебные истины, долженствующие, так сказать, автоматически присутствовать в головах любых государственных деятелей, отвечающих за государственную политику.

Однако если посмотреть ныне ретроспективно на российскую внешнюю и национальную политику в отношении Кавказского региона за последние 10 лет, то придется объективно признать, что и тени разработанной линии за это время не только не существовало, но даже и не возникало эпизодически и вся так называемая российская политика в отношении Кавказа в широком смысле и в отношении его отдельных частей представляла собой в тактическом отношении не политику, а качку. Причем такую качку, которая бывает в пустом, несущемся, не разбирая дороги, грузовике, когда и людей и предметы швыряет совершенно неожиданно из одного угла кузова в другой, причем предусмотреть, в какое мгновение произойдет очередной «швырок», просто невозможно.

Некомпетентность нашей нынешней, постсоветской, национальной политики настолько поразительна, что заставляет подозревать ее проводников либо в намеренном искажении государственных интересов, либо в полнейшей неспособности справляться со своими служебными обязанностями. А коль скоро дело обстоит таким образом, то необходимо, помимо официальных структур, провести объективный, научный анализ обстановки, сложившейся на Кавказе за последние 8—10 лет, и трезво, критически определить, какая в этой обстановке должна и может быть политика России.

Любой иной подход будет очередным повторением безответственных разговоров и позорных действий и их результатов, недостойных России, как государства.

Итак, к февралю 1997 года на Кавказе впервые за 10 лет установилась относительная стабильность и, главное, окончилась война в Чечне, созданы национально-государственные структуры этой республики, прекратилась тревога всех соседствующих с Чечней народов по поводу своей судьбы при развитии войны на Кавказе. Словом, обстановка благоприятная для подведения итогов и для наметки задач на ближайшее будущее, то есть на предстоящие пять лет.

Главные действующие стороны последней войны в Чечне уже обозначили свои цели.

Чеченская сторона определенно имеет задачу достижения полного суверенитета своего государства и как логический результат — конечную цель — полное отделение или выход из состава России.

Российское руководство, в свою очередь, уповает на то, что до этого дело не дойдет, и надеется на сохранение Чечни, в принципе, в составе России, пусть даже ценой различных серьезных уступок.

Никаких реальных путей к достижению своей цели, противоположной чеченской, российская сторона не имеет, она их не выработала, что прекрасно видно из заявлений всех ответственных лиц, связанных с российско-чеченским конфликтом. Они повторяют то же самое, что твердили все 10 лет. Ничего нового, ни одной здоровой идеи. Одно пустопорожнее выражение надежд и глупая уверенность, что... «все образуется», то есть классическое «расейское» упование на «авось». Между тем ситуация на Кавказе ныне резко изменилась по сравнению не только с 1986 годом, но и по сравнению с 1990, 1991, 1992-м и 1993, 1995 годом. Проще сказать, что она, эта ситуация, совсем иная: Россия и Чечня в правовом отношении, а именно в международно-правовом и в государственно-правовом, находятся ныне не только в абсолютно равном положении, но позиции Чечни гораздо предпочтительнее и солиднее.

Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, совершенно ясно, необходимо сказать ту правду, которую в РФ избегают признавать официальные инстанции.

Дело в том, что Чечня *победила в войне с Россией, победила в военном и политическом отношении*, и этот факт придает отношениям двух стран иной оборот. Между тем данный факт стараются замолчать, исказить, наивно полагая, что, отмахнувшись и не признавая его, но протянув время, можно будет надеяться, что все само собой устроится. Словом, опять — «авось». Нет, не устроится, нет, не обойдется. Ибо это — невозможно. Чеченская сторона прекрасно понимает, что, добившись исторически почти невозможной цели, одолев, победив русские войска в открытой борьбе, Чечня, согласно всем законам международного права, как победитель имеет возможность независимого существования, то есть отделения от России. И это право завоевано оружием, открыто. Чечня обладает не только поддержкой собственного народа, но и легко может получить поддержку всех стран мусульманского Востока и Африки, а также ряда малых европейских стран, для которых жизненно важно, из собственных интересов, воспользоваться чеченским прецедентом, а вернее — превратить казус с Чечней в полновесный международно-правовой прецедент.

В такой обстановке, разумеется, отойдут на задний план те туманные заявления западных ведущих политиков, которые выражают надежду на то, что Россия договорится с Чечней и сохранит последнюю в своих границах. Все это — пустое убаюкивание. У Чечни не только все права, но и сила — сила международного общественного мнения, а в случае чего — открытая поддержка со стороны по меньшей мере десятка исламских государств, ибо после чеченской победы в войне, когда этот главный вопрос решен, также согласно законам международного права, любой субъект

международных отношений имеет все основания оказывать Чечне легальную политическую, материальную и военную поддержку в случае попыток России удержать Чечню силой в своих пределах.

Таким образом, цели, которые ставит себе Чечня, во-первых, вполне реальны, во-вторых, ясны для всех своей законностью и логичностью и, в-третьих, обеспечены реальной поддержкой международного мнения, а также военной силой.

А теперь посмотрим, в каком состоянии находится позиция России. Коротко говоря — она во всем неблагоприятна. Более того, у позиции российской стороны нет ни малейшей опоры на законность, она юридически крайне слаба. Во-первых, юридически Россия — побежденная страна, как бы от этого факта ни открещивались. Факты — упрямая вещь, и не признавать их — величайшая глупость. Чечне на протяжении последнего 50-летия нанесены такие глубокие раны в отношении ее существования, что ни народ, ни руководители Чечни не могут верить «исправлению» России в будущем и для того, чтобы обезопасить себя от «случайностей», просто вынуждены будут разорвать свою государственную связь с Россией. И это — тот полновесный аргумент, который Россия не сможет никак отвести, ибо все исторические прецеденты говорят о том, что Россия — будь то царская, меньшевистская, сталинская или ельцинская — ведет себя по отношению к Чечне агрессивно и «не исправляется» в этом отношении уже целое столетие. Следовательно, во-вторых, гарантий на будущее ожидать не логично. И это — еще один правовой минус в позиции России.

В-третьих, в нынешней, постсоветской России произошло возрождение, казалось бы, давно забытого казачества, возрождение его как военного сословия, активно требующего особых прав, и привилегий, в том числе на определенные территории, в прошлом занимаемые казачеством, и на владение оружием и его ношение в мирное время. Казачество всюду в России расположено либо в отдельных национальных районах, либо по их внешним границам. Отсюда столкновения (причем, вооруженные) между казачеством и нацменьшинствами России, которые нельзя исключать из анализа ситуации, они возможны, и с этим надо считаться. Специально в отношении Чечни выдвигает ряд претензий ставропольское, а точнее терское, казачество. Вот почему Чечня, чтобы избежать в будущем разборок с казачеством, и по этой причине стремится стать совершенно независимым от России государством. Ведь в таком случае казаки, сунься они в Чечню, станут нарушителями госграницы и их должна будет наказать сама российская власть. В противном случае в рамках Российской Федерации при любом казачье-чеченском конфликте в Чечне уверены, что власти России непременно поддержат казачество и, следовательно, превратят его

в орудие провокаций и вмешательства во внутренние дела Чечни, тем более что до сих пор позиция президента и правительства РФ остается подчеркнуто благожелательной по отношению к казакам, их организации. Как же в таком случае надеяться на объективность России в отношении Чечни в будущем?! Лучше уж раз и навсегда отделиться, чтобы все было ясно и споры не возникали.

Таким образом, поддержка казачества правительством России (а отсюда — запрограммированная нестабильность в районах, где казачество соседствует с Чечней) является еще одним, очередным минусом в правовой позиции России как федеративного государства. Оказывается, у России в федерации могут быть и пасынки, и «любимчики», а это не укладывается в понятия правовых, объективных отношений. Более того, всем ясно, что власти России не пойдут ни при каких обстоятельствах на ухудшение отношений с казачеством и будут удовлетворять все его требования. Какая же после этого «стабилизация» получится в Чечне? Это знают все, в том числе и за рубежом. А потому это также минус, ослабляющий правовые позиции России, тем более что речь идет не только об одной Чечне, об одном терском казачестве. Получи оно особые привилегии, их потребуют немедленно и кубанские казаки, окружающие Адыгею и другие республики Северного Кавказа, их потребуют и оренбургские казаки, расположенные на границах Башкортостана и Казахстана. Словом, вызвав джина из бутылки, возродив «опереточных» казаков, российские политики не подумали, что же из этого получится. Такова цена их исторической безграмотности, их «невинных» действий по восстановлению на пороге XXI века средневековой атрибутики.

Итак, у России — сплошные минусы в ее и так довольно слабой правовой позиции в споре с Чечней по государственному и международно-правовому вопросу. Все это еще более усиливает позицию Чечни, делает ее вполне легитимной и непробиваемой в юридическом отношении.

И если поставить данный вопрос, скажем, на решение любой авторитетной международной правовой инстанции, вроде Международного Суда в Гааге, то не надо быть даже специалистом, чтобы предсказать его вердикт: Чечня имеет все основания и все права на полное отделение от России. Именно так, чисто юридически, и рассматривают данный вопрос сами чеченские руководители. Их позиция справедлива, верна, юридически солидна — они спокойны.

Наоборот, со стороны России проявляется известное беспокойство, причем не только в правительственных кругах, где уповают на «авось» и по невежеству не чувствуют реальной и острой опасности, а в тех узких, численно небольших кругах, где еще остались

люди, пекущиеся не о том, чтобы набить свой личный карман, а заботящиеся о судьбах России, переживающие остро, со стыдом ее позор и поражения последнего десятилетия. Это те немногочисленные подлинные патриоты, которые, зная историю, понимают, чем грозит России выход Чечни из ее состава, и боятся даже во сне представить реальность такого положения. Для тех, кто понимает ситуацию — выход Чечни из РФ, выход законный, выход уже почти осуществленный, и лишь формально не зафиксированный, — это *Finis Russia*.

Но есть еще и другая, более многочисленная категория людей, являющихся противниками выхода Чечни из России, — это национал-шовинисты. Эти не понимают и не хотят понимать, в чем суть ситуации, они просто против того, чтобы Чечня стала неподвластной России. Эти люди есть во всех слоях — и в правительственных, и в самом люмпенском низу, среди завсегдатаев пивных, и они как раз самые опасные с точки зрения государственных интересов России. Во-первых, они склонны к применению силы в любых спорах, а во-вторых, и это главное, их националистическая «решимость» всегда провоцирует другие нации и народности возможно надежнее оградить себя от России, изолироваться от нее, ибо крикливость националистов и видимая поддержка их властями лишают Россию всякого доверия со стороны национальных меньшинств. Вот почему шовинистские «защитники» России на деле являются злейшими врагами российских государственных интересов. Более того, шовинисты препятствуют поддержке этих государственных интересов со стороны подлинных патриотов, которые стоят ныне перед дилеммой: либо выступить вместе с националистами и предать свои демократические идеалы, либо занять нейтралитет в русско-чеченском споре и позволить Чечне выйти из состава России, предав интересы России, но сохранив верность своим демократическим и интернациональным идеалам.

Раз так стоит вопрос внутри самой России, то необходимо более пристально посмотреть, в чем же состоят государственные интересы России и почему они вступили в непримиримые противоречия со стремлением Чечни к независимости.

Начиная с развала СССР в декабре 1991 года Россия (вернее, случайно находившиеся в это время у власти политики) отбросила от Федерации 14 республик, 14 новых государств, расположенных исключительно вдоль государственной границы СССР. И тогда Россия оказалась без видимых, заметных границ, кроме, конечно, канцелярско-административных, совершенно не ощутимых на местности. Уже одним этим актом Россия низвела себя на уровень третьестепенных государств, ибо только у них границы проводятся

путем произвольной линии на карте (прямой или кривой), но при отсутствии каких-либо естественно-географических рубежей. У СССР, как у великой державы, госграницы, создаваемые веками, шли исключительно по естественным рубежам: двум океанам на востоке и на севере, по горам на юге и юго-востоке и по рекам и озерам на западной и северной границах.

Кавказ отделяли от Турции и Ирана не только горы Малого Кавказа, но и реки — Аракс и его притоки. С отделением трех республик Закавказья государственная граница России была перенесена на Главный Кавказский хребет, отделяющий Северный Кавказ от Закавказья.

Таким образом, хотя общая стратегическая обстановка для России ухудшилась, но и новая кавказская граница все равно стала проходить по естественному рубежу, кстати, *единственному теперь в России*, поскольку вся остальная российская госграница имеет только «мягкие» рубежи — поле, лес, перелесок, степь. Даже речушки и озера стали теперь редчайшим явлением на российской границе как разделители территории сопредельных стран.

Если теперь, с выходом Чечни из РФ, придется проводить новую госграницу, то это будет конец последней естественной границы России, ибо в Главном Кавказском хребте будет вырезана глубокая выемка, которая в виде «мягкой» степной границы окажется открытой раной на теле со всех сторон обрезанной, сокротившейся, как шагреновая кожа, России. В стратегическом отношении — это катастрофа. В политическом же — величайшее унижение, профанация статуса «великой державы», великой лишь своей беспорядочностью.

С подобной конфигурацией госграницы, естественно, не согласится ни один уважающий себя и свою страну политик. В прошлом, если такое случалось, глава государства должен был пустить себе пулю в лоб. Но наши, конечно, стерпят, им лишь бы осталась Барвиха или Горки-9, а ума для того, чтобы предотвратить государственный позор, просто не хватает. И, не имея за душой никаких идей, никаких конструктивных предложений вот уже 10 лет подряд, они надеются, что им удастся «купить» чеченское руководство обычными средствами — льготами, деньгами, различными подачками и привилегиями. В крайнем случае надеются, что при помощи дремучих националистов будут вновь угрожать Чечне войной. Но все это — только ребячество в политике. Чечня не поддастся ни на подкуп, ни на угрозы, и ее руководители, ее политики это уже блестяще доказали. Их морально-политический облик не запятнан, чего нельзя сказать о большинстве российских ответственных государственных мужей.

Словом, Чечня непременно отделится, и это будет большим ударом по России, ударом военно-стратегическим, политическим,

международно-правовым, экономическим и психологическим. Но, кроме того, такое развитие сильно усложнит национальную политику России на Кавказе в целом, где, помимо Чечни, останутся в пределах РФ шесть республик, разьединенных отныне — впервые за свою историю — выпавшей из их обоймы Чечней.

О предстоящих в связи с выпадением Чечни трудностях и новых проблемах хорошо осведомлены руководители шести кавказских республик — Адыгеи, Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Осетии (Алании), Ингушетии и Дагестана. Их судьба, судьба и настроения их народов — уже под вопросом. Стоит Чечне стать в какие-нибудь два-три года процветающей страной, что вполне возможно при ее теперешних мудрых руководителях и наличии нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, как другие республики Северного Кавказа начнут требовать для себя кто особых льгот, а кто и чистой независимости. А чем они хуже Чечни?

В результате южная граница России станет похожа на изгрызенный мышами во всех направлениях кусок сыра или на разорванные псами старые штаны. Но дело не только в эстетической красоте границы. Страдает в первую очередь ее непреступность, ее герметичность, а тем самым — и вся российская безопасность. Словом, процесс рано или поздно при таком развитии событий обязательно пойдет, процесс распада нерусских частей Российской Федерации, ибо выход Чечни даст импульс не только ее кавказским соседям, но и всем мусульманским республикам на территории России. Что из этого выйдет — даже страшно предположить. Наша самостоятельная история в таком случае закончится. Маленький Давид одолел-таки гигантского Голиафа. Вот что скажут историки!

Следовательно, выход Чечни угрожает коренным интересам безопасности и целостности России, и, значит, то, что нынешний российский режим намерен не упускать Чечню силой или хитростью, — правильно и его следует в этом всячески поддерживать? Нет, не значит! Режим — груб и туп, что он не раз доказывал на «отлично». И поддерживать его в глупейших и позорнейших актах и шагах не могут порядочные люди. Но разоблачать, указывать на его тупость — надо, необходимо и, конечно, требовать его замены как не обладающего способностями обеспечить безопасность и независимость России, как могильщика русской тысячелетней государственности.

Надо открыто, без всяких недомолвок осудить войну с Чечней, ведущуюся от имени РФ, признать преступными методы ее ведения и тем самым, во-первых, открыто признать свою вину перед русским народом, а во-вторых, сделать важную морально-политическую уступку чеченскому, примирив оба народа на основе честного признания своих ошибок.

Что же касается изменения государственно-правового или международного статуса Чечни, то и в этом вопросе необходимы предельная честность и искренность: надо ясно, с цифрами в руках, с иными деловыми аргументами экономического, социального и политического характера — а такие аргументы имеются — показать не только руководству Чечни, но и всему чеченскому народу, что глубокие государственные интересы Чечни исторически тесно связаны с Россией и что изолированная Чечня неизбежно будет игрушкой в руках международных антироссийских сил: сначала — балованной игрушкой, а потом — ненужной и забытой. И что строить свое будущее на столь зыбкой основе ни один народ, ни одни серьезные его руководители не могут, не имеют права.

С другой стороны, необходимо доказать Чечне делом, что у нее есть перспектива укрепления своей независимости и оставаясь в составе России.

Для этого необходимо предложить не набор уступок (больше или меньше или столько же прав, как Татарстану), ибо так не решаются серьезные исторические вопросы между равноправными народами, а предложить принципиально новое, глубокое решение всех кавказских проблем.

Это решение не должно быть ни ельцинским, ни дудаевским, а принципиально иным, при котором обе стороны действительно сохраняют свое лицо. Оно будет одинаково выгодно и для Чечни, и для России. Но предложить его должны только новые люди. Старым веры уже нет и не будет.

А состоит оно вот в чем:

Северный Кавказ — это единый в природном отношении регион. Он в принципе неделим. И это чутьем понимают все 70 населяющих его народов, во всех семи республиках. Их соседство и общность сложились исторически, и такое событие, как создание бреши из-за выхода Чечни из состава России, сильно беспокоит всех остальных кавказцев. Но они не видят выхода, а позиция российских властей еще более содействует созданию тупика. Между тем есть одно решение, способное изменить ситуацию на Северном Кавказе коренным образом. Необходимы лишь политическая воля и смелость, чтобы осуществить это решение.

Дело в том, что кроме семи республик Северного Кавказа к Кавказскому хребту прилегает и *восьмая* — Абхазия, которая формально относится к Закавказскому региону и на этом основании включалась в 1921—1991 годах в состав Грузии. Но абхазы не имеют ничего общего с грузинами, они родственны своим соседям в России — адыгейцам, абазинам, черкесам, карачаевцам, кабардинцам — и уже давно мечтают соединиться с ними и тем самым избежать принудительного сожительства с чуждыми им и религиоз-

но, и по языку, и по складу характера грузинами. Но Россия вечно препятствовала отделению Абхазии от Грузии, отчего абхазцам пришлось в одиночку начать с Грузией войну, которая ныне находится в тлеющем состоянии только из-за присутствия миротворческих войск в Абхазии.

Если бы новое руководство России было настолько мудро, что согласилось на вхождение Абхазии в состав России, то тогда открылась бы возможность полного преобразования Северного Кавказа в *федерацию, состоящую из восьми* родственных республик, в которой Чечня нашла бы свое достойное место.

Во-первых, она вышла бы из непосредственного подчинения Москве, а именно это обстоятельство крайне важно по соображениям престижа для чеченского руководства.

Во-вторых, Чечня стала бы частью увеличившегося Кавказского региона, а ее люди, их таланты и способности нашли бы применение в более крупной административной единице, то есть на всем Северном Кавказе.

В-третьих, создание Северо-Кавказской Федеративной Республики, решая проблему Абхазии и способствуя безболезненной и полной ликвидации «абхазского тупика», «абхазской проблемы», исполняя чаяния абазинских народов Северного Кавказа об их этническом объединении в единой административной единице и тем самым *устраняя* важный очаг национального недовольства на Кавказе, одновременно явилось бы *ясным знаком доверия России к своим кавказским республикам, к народам Кавказа, знаком уважения к их способности строить свою государственность на более высоком уровне самостоятельно.*

В-четвертых, создание СКФ давало бы Чечне и всем другим республикам этого региона гарантию в том, что Россия никогда более не будет прибегать к имперскому тону в своих отношениях с Кавказом, иначе она получит в качестве своего противника не одну Чечню, а весь СКФ.

Отсюда и положение СКФ в отношениях с Россией должно быть на более высоком уровне независимости, чем отношения с отдельными республиками. В то же время СКФ, в свою очередь, будет лучше осознавать свое исключительное положение в составе России и искренне стремиться быть верным России, *надежным прикрытием на южной российской границе.*

Таким образом, целью всех этих политико-национальных преобразований на Кавказе должна стать наглядная демонстрация Россией, что ее политика в данном регионе *принципиально меняется* и ей можно доверять не просто на слово, но *имея реальные* политические, территориальные и военные гарантии того, что *России будет невыгодно* при любых обстоятельствах ее любое ухуд-

шение отношений с Кавказом и что ей будет в случае нарушения обязательств противостоять весь Кавказ, все его народы.

С другой стороны, и народы СКФ, и его руководство, достигнув создания СКФ, на что они не могли надеяться при существовании СССР, осознают *выгоды своей прочной связи с новой Россией*, как военно-стратегические, так и экономические, и это поможет *постепенному изживанию* той неприязни к России, которую породила чеченская война.

Одновременно СКФ может быть наделена правами региональных внешних сношений и внешней торговли, что будет свидетельством как доверия России к СКФ, так и удовлетворением внешнеполитических амбиций руководителей СКФ и особенно лидеров Чечни, с которыми при современной ситуации им просто невозможно расстаться (не в последнюю очередь по престижным соображениям). Этот вопрос не должен решаться так, что Чечня будет унижена. Наоборот, надо дать возможность и время спокойно ликвидировать внешнеполитические посты Чечни в ряде стран, преобразуя их в ряде случаев в представительства всей СКФ с региональным диапазоном действия. Этим будет обеспечено и то, что приоритет российского руководства общей линией внешней политики России будет сохранен и на Кавказе, но при постоянных консультациях с кавказцами о конкретных тактических шагах в отношении непосредственных восточных соседей СКФ и более широкого исламского мира.

Предвижу одно возражение этому плану: а не подготовим ли мы сами отход не одной Чечни от России, а всего региона СКФ? На это опасение надо ответить ясно и решительно: нет и еще раз нет, ибо подобные опасения не имеют под собой реальной почвы, а строятся исключительно на основе националистических предубеждений и домыслов, исходящих из собственной, русской, имперской психологии.

Большой СКФ и ее народам надо создать такое положение, что им реально будет выгодно оставаться вместе с Россией, а это значит, что им надо предоставить максимум самостоятельности в устройстве своих внутренних дел. Пусть они покажут, что могут сделать СКФ процветающей, имея в тылу и на международной арене постоянную всестороннюю поддержку России.

Что же касается сепаратистских тенденций, то если они и возникнут временно, от головокружения по поводу успехов, то только в чеченской среде. Такие части СКФ, как Адыгея, Кабарда, Северная Осетия (Алания), Черкессия, находящиеся в тесных отношениях с Россией с XI—XII века, докажут жизненную необходимость для народов Кавказа не разрывать связи с Россией по государственной линии.

Кроме того, на той же позиции будут стоять и народы Абхазии и Дагестана, что прекрасно продемонстрировала чеченская война. И если Дагестан верен России, то это исключительно заслуга национальной политики советской власти. Это надо признать, и этому надо учиться. Народы Дагестана именно в силу своей малочисленности, раздробленности смогли лучше других оценить и запомнить то, что принесла Дагестану советская национальная политика: мир, достаток, небывалый расцвет национальной культуры всех 60 народностей этой горной страны. Задача нового руководства РФ — продолжать именно такую политику дружбы народов в отношении всего Кавказа, всего СКФ. Тем, кто в российских военных и политических кругах надеется, что «держать Кавказ в кулаке» можно при помощи традиционной царской политики разжигания розни между республиками Кавказа и натравливания на них казачества, следует ясно, открыто сказать: вы, и только вы, рекомендуя подобную политику, являетесь действительными врагами России, ибо тем самым подводите мину под ее существование. Сейчас не XVIII и не XIX век, и надеяться на то, что макиавеллизмом можно достигнуть успеха, причем на Кавказе, — химера, свидетельство вашей некомпетентности и в обстановке, и в ведении государственных дел. Интриговать можно было между ханами и беками. Сейчас же народы Кавказа политически неизмеримо выросли. Они создали кадры подлинных, серьезных руководителей государственного ранга. И вести отношения с ними надо честно, открыто, в духе постоянной дружбы. Они сами достаточно разумны, чтобы понимать выгоды пребывания в составе дружественной им России.

Не надо только быть мелочными, не надо кавказцев «учить жить», а следует относиться к ним с уважением, как к равным и даже просто как к талантливым государственным деятелям. Они это доказали на деле, нанеся военное и политическое поражение России, которая вела против них преступную войну в силу ошибок своего руководства и его косности. Теперь же только новые люди должны и могут разговаривать с Чечней, со всем Кавказом. История дает России последний и единственный шанс — мирно и с достоинством урегулировать свои отношения. Так что и победители, и побежденные на этот раз осуществят основные, коренные, конечные результаты намеченной ими в начале политики. Других решений не только нет, но и все они рано или поздно вновь приведут к войне, если в основе их будут лежать паллиативы и преемнее «расейское» мышление.

Если нынешние российские политики настолько ограничены, что не могут понять, что они должны ухватиться за этот последний шанс, то пусть пеняют на себя: в этом случае им действительно не видать всего Кавказа: они-таки лишат Россию важного стратеги-

ческого преимущества и похоронят окончательно русское государство. От них можно ожидать только этого. Вот почему для решения кавказского вопроса, для его прочности нужны не только новые люди, но и необходимо осудить главных военных преступников в России, развязавших и продолжавших ряд лет чеченскую войну.

Вот тогда Чечня будет прочно привязана к России узами признательности и доверия, которые на Кавказе, как известно, ценятся и действуют крепче золотых или стальных уз.

Народы Кавказа теснее сплотятся вокруг России, увидев на деле, что новая Россия отказывается от принципа «разделяй и властвуй», идет навстречу самым глубоким национальным чаяниям кавказских народов и созданием СКФ кладет конец вольному или невольному процессу обрусения Северного Кавказа, который в ряде республик уже превысил критическую черту¹.

P.S. Здесь изложена общая генеральная линия новой политики России, вытекающая из изменившейся исторической обстановки на Кавказе. Для многих не только в России, но и на Кавказе она покажется неожиданной, неприемлемой. К этому не все готовы. Мы еще во власти прежних, отживших представлений. Но это не должно обескураживать. Необходимо понять, что новой линии требует будущее, и надо ясно и настойчиво разъяснять эту новую политику, доводить ее до сведения самых широких масс и в России, и на Кавказе. Она должна получить добровольное и широкое одобрение всех народов; может быть, понадобится плебисцит.

Конечно, потребуется более детальная проработка данного плана. Возникнут конкретные вопросы, среди которых встанет и вопрос о будущей столице СКФ. (Ею, кстати, исторически и географически является Владикавказ.) Но все это — детали. Главное — понять и принять новый подход. И бороться за его осуществление.

¹ В настоящее время русские составляют в республиках Северного Кавказа следующий процент населения (с запада на восток):

в Адыгее — 70%;

в Карачаево-Черкессии — 43%;

в Кабардино-Балкарии — 32%;

в Северной Осетии — 30%;

в Чечне и Ингушетии (до 1991 г.) — 24% (в настоящее время положение в этом отношении совершенно неясное, статистические данные отсутствуют);

в Дагестане — 10%. И именно поэтому здесь отношение к русским очень доброжелательное. Они не угрожают национальному существованию, они только помогают, и без них будет трудно. Это, в первую очередь, специалисты: инженеры, энергетики, врачи, ветеринары, агрономы, юристы и т.п. Они нужны для жизни страны, и это чувствуют в Дагестане все. Создание СКФ будет постепенно содействовать оздоровлению демографическо-национальной обстановки и в остальных республиках Северного Кавказа. И это лишь укрепит доверие и связь СКФ с Россией.

Статья получена редакцией 20 февраля 1997 г.